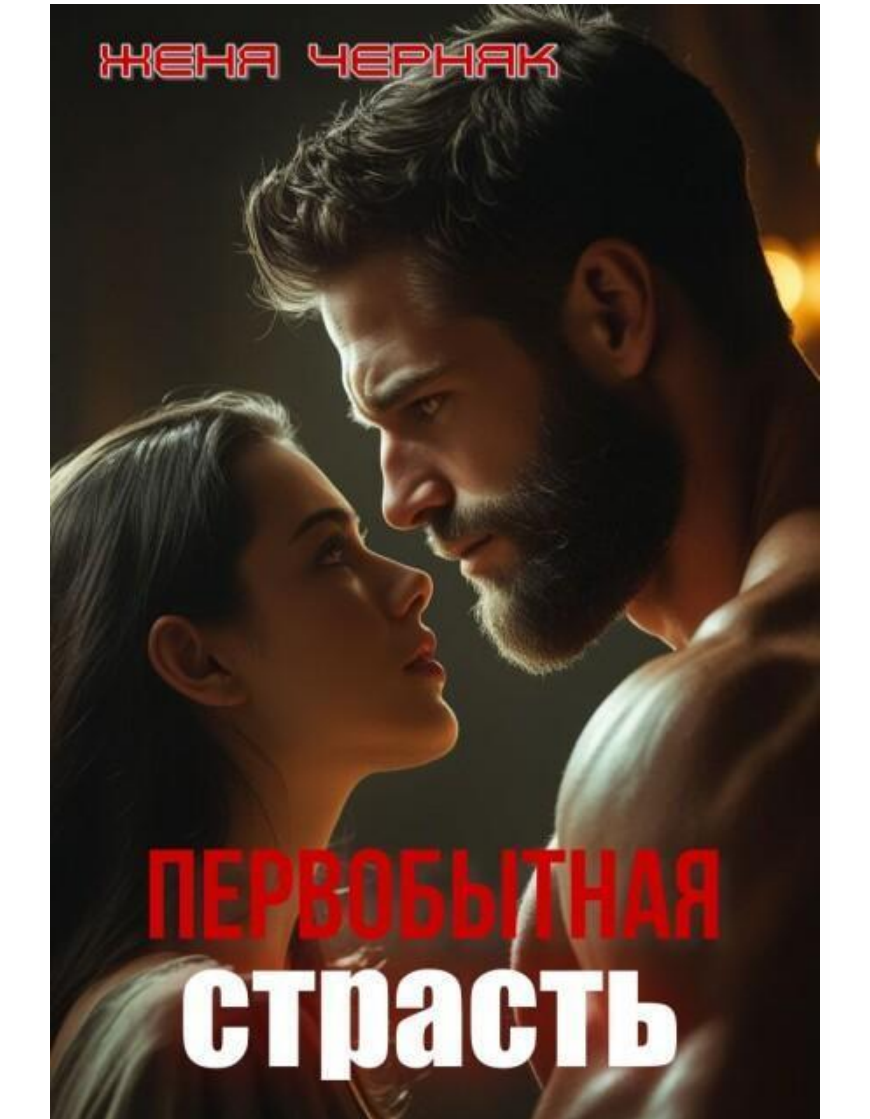


A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man, on the right, has dark, wavy hair and a full beard, looking intensely at the woman. The woman, on the left, has long dark hair and is looking up at him. The lighting is warm and dramatic, highlighting their profiles against a dark background with some blurred light sources.

ЖЕНА ЧЕРНАК

ПЕРВОБЫТНАЯ
страсть

Женя Черняк

Первобытная страсть

<https://litres.ru/74238184>

Аннотация

В мире, где каждый шаг может стать последним, а прошлое не отпускает даже во сне, двое находят друг друга, и вместе учатся жить заново. Они почти не знают друг друга. Он - взрослый мужчина, потерявший семью. Она - повзрослевшая девчонка с соседнего двора, чьих родных настиг страшный вирус. Они решают вместе покинуть родные края, чтобы найти новый дом и безопасность.

Эта история о борьбе, о любви на грани выживания, и о том, как в самом сердце бури рождается нечто большее, чем просто надежда. О том, что даже в разрушенном мире есть место для тепла, для близости, для желаний, для мгновений, когда время замирает, а всё остальное теряет смысл.

Содержание

Глава 1. Беглецы	4
Глава 2. Дом у ручья	12
Глава 3. Новая жизнь	20
Глава 4. Новый смысл	26
Глава 5. Ветер перемен	32
Глава 6. Запретные желания	37
Глава 7. Тишина вдвоём	44
Глава 8. Между страхом и желанием	50
Глава 9. Рубеж дозволенного	57
Глава 10. После греха	64
Глава 11. Звук мотора	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1. Беглецы

Глава 1. Беглецы

Небо над деревней затянуло свинцовой пеленой — не то тучи, не то дым от далёких пожаров, которые уже несколько дней мерцали на горизонте. Время словно остановилось. Часы на стене давно замерли на 3:17, как раз тогда, когда мама в последний раз вздохнула, а отец, склонившийся над ней, вдруг обессиленно опустил на пол.

Лиза сидела на крыльце, сжимая в руках старую фотографию: они втроём у берёзы, лето, солнце, смех. Сейчас снимок казался жестокой насмешкой, а мир, где были улыбки, тепло, безопасность, исчез безвозвратно. Она провела пальцем по изображению, словно пытаясь ощутить тепло тех дней.

— Мама... папа... — прошептала она, но голос утонул в вязкой тишине.

Она подняла лицо к небу и закричала. Звук разлетелся по безмолвной улице, отразился от пустых домов и растворился в ночи. Ни единого отклика. Только ветер, словно издеваясь, пронёсся по улице, швыряя в лицо сухие листья и пыль.

— Помогите! — голос сорвался. — Кто-нибудь... пожалуйста!

Тишина.

Дома вдоль улицы стояли мёртвые. Запертые, забаррика-

дированные. В некоторых окнах мелькали тени. Люди, прячущиеся за шторами, боялись даже дышать громко. Страх превратил соседей в призраков: они существовали рядом, но были недосыгаемы. Лиза всматривалась в тёмные окна, надеясь увидеть хоть проблеск жизни, хоть знак, что она не одна в этом опустевшем мире.

— Почему? — прошептала она, опускаясь на ступеньки.
— Почему вы не отвечаете?..

Слёзы обжигали щёки, капали на фотографию, размывая цвета прошлого. Она звала, шептала, рыдала. Всё тщетно. Мир опустел.

За спиной раздался скрип калитки. Лиза вздрогнула, резко обернулась.

В полумраке вырисовывался силуэт мужчины. Высокий, плечистый, с тяжёлой сумкой за плечами. Это был Андрей — сосед, живущий через три дома. Пару дней назад Лиза видела, как из его двора выносили завёрнутые в простыни тела.

— Ты одна? — его голос звучал глухо, но твёрдо.

Лиза кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Горло сдавило спазмом. Она лишь смотрела на него, пытаясь осознать, что перед ней живой человек, а вовсе не призрак, не воспоминание.

— Я ухожу, — он сделал шаг вперёд. — В лес. Там, может, ещё есть шанс.

Она смотрела на него, пытаясь разглядеть в чертах лица

угрозу. Но видела лишь усталость и ту же бездну горя, что терзала её душу. Его глаза, когда-то, наверное, весёлые и живые, теперь были пусты, словно выжженные изнутри.

— Если хочешь... можешь пойти со мной, — он помолчал, словно сомневаясь в своих словах. — Одна ты не выживешь.

Внутри Лизы бушевала буря. Страх перед незнакомцем, перед неизвестностью, перед самим фактом, что придётся покинуть дом, где прошли все её восемнадцать лет. Но ещё сильнее был страх остаться здесь совсем одной, среди мёртвых стен и молчаливых теней.

— Я... я согласна, — прошептала она, поднимаясь. — Но... почему вы решили мне помочь?

Андрей тяжело вздохнул, опустил взгляд на свои руки, будто разглядывая невидимые пятна.

— Потому что я уже потерял всех. Жена слегла первой. Потом... Люди замкнулись в себе. Все прячутся по домам, как будто зараза их не достанет. Но я-то знаю, что оставаться здесь, значит растянуть неизбежное. Скоро в деревне никого не останется, и если не уйти вовремя, то мы тоже тут сгинем.

— Я вас почти не знаю. Я боюсь. Куда нам идти?

— Знаю, что боишься. А ещё я знаю, что несколько дней назад я лично хоронил твоих родителей. Достаточно. Ты слишком добрая и слабая для этих мест. Ты не станешь убивать за кусок хлеба. А в этом мире такие люди — редкость.

Лиза всхлипнула, сжала кулаки.

— А если я изменюсь? Если и я стану... такой?

— Тогда я буду рядом, чтобы напомнить, кто ты на самом деле. — Выдержав паузу, он добавил: — Решай быстрее, детка. Я не буду тебя уговаривать. Просто хочу, чтобы ты выбрала уже наконец, оставаться одной в этой гиблой деревне, среди полудохлых людей, или же мы можем уйти подальше отсюда, поискать более безопасное место.

Ему было за сорок. Когда-то крепкий, улыбчивый мужчина, любивший рыбалку и шутки про «городских, которые не знают, где у коровы молоко берут». Теперь же он тень прежнего себя. Седина в волосах, морщины, будто вырезанные ножом, взгляд, в котором больше не было смеха.

Он потерял жену и сына за три дня. Вирус действовал стремительно: температура, кашель, кровь из носа, а потом — тишина. Он сам завернул их в простыни, сам выкопал яму за огородом. Ни священника, ни прощальных слов. Только земля и молчание.

Андрей не плакал. Слёзы кончились в первую ночь. Теперь в нём осталась только холодная решимость: выжить. Любой ценой. Но в глубине души тлел слабый огонёк — надежда, что где-то ещё есть место для человечности.

Ей было восемнадцать. Ещё вчера она мечтала о поступлении в университет, о первой любви, о путешествиях. Сегодня она стояла на пороге дома, где всё напоминало о родителях: мамина вышивка на кресле, папина трубка на полке, запах пирогов, который уже никогда не вернётся.

Вирус не щадил никого. Всего за несколько месяцев мир опустел на несколько миллиардов человек. Зараза, от которой никто не мог найти лекарства, выкашивала людей с молниеносной скоростью. Так, практически в одночасье, на землю пришёл апокалипсис.

Лиза была хрупкой, с тонкими пальцами и большими глазами, в которых ещё жила наивность. Но теперь в них появился новый блеск — отчаяние, смешанное с упрямой волей. Она не хотела умирать. Не хотела оставаться одна. Всего минуту назад она в полном отчаянии взывала о помощи, и вот он стоял перед ней, готовый отправиться в путь, отправиться вместе с ней.

— Ты точно уверена? — Андрей смотрел на неё пристально, будто пытаясь прочесть её мысли. — Там будет тяжело. Нет воды, нет еды, нет крыши над головой. И чёрт знает что нас там ждёт.

— А здесь не лучше. — Лиза всхлипнула, но тут же сжала кулаки. — Здесь только смерть.

Он кивнул, словно соглашаясь с невысказанным.

— Хорошо. Но ты должна понимать: я не буду нянькой. Я иду, чтобы выжить. Если ты со мной, значит, будешь делать то же самое.

— Я понимаю, — она подняла подбородок. — Я не слабая. Андрей лишь усмехнулся, горько, без радости.

— Все так говорят. Пока не наступает первая ночь в лесу.

— А вы... вы знаешь, куда идти? — Лиза оглянулась на

дом, будто надеясь, что родители вдруг появятся в дверях.

— Нет. Но там, — он махнул рукой в сторону леса, — нет людей. А люди сейчас — самая большая опасность.

— Почему? Разве не лучше держаться вместе?

— Когда голод и страх берут верх, люди перестают быть людьми. Вчера в соседнем селе двое мужчин забили женщину камнями, потому что подумали, что она заражена. Она просто чихнула.

Лиза вздрогнула, обхватила себя руками.

— Но мы... мы же не такие?

Андрей остановился, повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на сочувствие.

— Мы точно не такие. Но голод и страх меняют людей. Ты должна быть готова ко всему.

— А как же любовь? Доброта? Разве это не сильнее страха?

— Наверное, сильнее. Но сейчас страх громче. Он заглушает всё остальное.

— Значит, мы должны быть тише страха.

Андрей посмотрел на неё долго, внимательно.

— Да, и ещё кое-что: больше не смей выкать мне. Не на вы, а на ты. Поняла?

— Поняла, — кивнула она.

— Ну тогда давай мухой в дом за вещами. Жду пять минут, не больше.

Лиза бросилась в дом. Руки дрожали, мысли путались.

Она схватила рюкзак, кинула туда: тёплую кофту (мамину, с вышитыми цветами), фонарик (старый, но с хорошим аккумулятором), нож (папин, для резьбы по дереву), пачку печенья и банку тушёнки (последние запасы). А сверху положила ту самую фотографию с берёзой. Оглянулась на комнату, где ещё вчера смеялись родители, где пахло мамиными пирогами и папиным табаком. Теперь здесь было холодно и пусто.

— Я вернусь, — прошептала она, хотя знала, что это ложь.

Андрей стоял у двери, наблюдая за ней.

— Не обещай тому, что уже ушло, — тихо сказал он. —

Иначе оно будет тянуть тебя назад.

— А как же память?

— Память — это не цепи. Это свет, который можно нести с собой.

Лиза кивнула, сглотнула комок в горле.

— Я готова.

Выйдя на улицу, она закрыла дверь, словно запечатывая прошлое. Андрей ждал у калитки. Его взгляд был устремлён вдаль, туда, где тёмной стеной стоял лес.

— Ну всё, пойдём, — сказал он, и они шагнули прочь.

Деревня осталась позади, словно безмолвный памятник ушедшей жизни. Дома, некогда полные смеха и разговоров, теперь напоминали скелеты. Окна, заколоченные досками, двери, запертые на ржавые замки. На заборе кто-то написал мелом: «Не входите. Здесь мёртвые».

Ветер разносил запах тления, ибо где-то, возможно, сжи-

гали тела. Где-то ещё пытались бороться. Но борьба эта была обречена.

— Почему ты решил уйти именно сейчас? — Лиза нарушила молчание, когда они миновали последний дом.

— Потому что завтра будет поздно, — ответил Андрей, не оборачиваясь. — Люди начнут сходить с ума. Будут драться за еду, за воду, за место в подвале. А потом... потом они придут за теми, кто ещё жив.

Глава 2. Дом у ручья

Глава 2. Дом у ручья

Они шли молча долгими часами, днями, словно два призрака, затерянные в бескрайнем лесу. Андрей впереди, чуть согнувшись под тяжестью рюкзака, а Лиза следом, едва поспевая, но упорно не прося передышки. Слова казались лишними, ибо всё, что можно было сказать, уже прозвучало в прошлой жизни. А эта новая жизнь требовала тишины.

Солнце клонилось к закату, окрашивая кроны в багровые тона. Воздух сгущался, становился тяжелее, предвещая скорый вечер. Андрей наконец остановился, поднял руку — знак привала.

— Здесь, — произнёс он, оглядываясь. — Нужно развести огонь.

Лиза опустилась на мох, чувствуя, как ноют мышцы. Она наблюдала, как Андрей ловко собирает сухие ветки, вынимает из сумки огниво. Его движения были чёткими, отработанными. Видно, что он не впервые в лесу.

— Ты всегда умел это делать? — спросила она, глядя, как огонь лижет древесину.

— Отец учил, — коротко ответил Андрей. — На охоте. Мы каждое лето ходили в тайгу. Он говорил: «Лес — это храм. В нём нельзя шуметь, нельзя бояться. Только слушать и понимать».

— И ты понял?

— Не сразу. Сначала боялся. Потом научился слышать.

— А сейчас? Ты слышишь что-нибудь?

Андрей замер, прислушался. Где-то вдали прокричала птица, зашуршала листва, ручей едва слышно напевал свою вечную песню.

— Сейчас я слышу только тишину. Но это не та тишина, что успокаивает. Это тишина зловещая.

Лиза обхватила колени, прижала к груди.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что люди такие создания, которые не умеют жить в тишине. Им нужно заполнять её шумом, словами, движением. А когда тишина становится настоящей, они пугаются. И тогда начинается хаос.

— Но мы не такие?

— Нет, мы не такие.

Когда пламя занялось, Лиза протянула к нему озябшие руки. Тепло медленно проникало в тело, разгоняя холод, сковавший её изнутри.

— А что дальше? — наконец спросила она, глядя в огонь.

— Мы просто будем идти, пока не упадём?

Андрей сел напротив, скрестив ноги. Его лицо в отблесках костра казалось резче, тени подчёркивали морщины.

— Нет. Я ищу подходящее место. Где можно остановиться.

— И где оно?

— Не знаю. Но чувствую, что оно есть. Как будто где-то внутри меня горит маяк. И он ведёт.

— А если нет? Если весь мир теперь такой?

Он помолчал, подбирая слова.

— Тогда мы сделаем его другим. Не таким, каким он стал. А таким, каким должен быть.

— Каким же?

— Где люди не боятся друг друга. Где можно доверять. Где есть место для доброты.

Лиза горько усмехнулась, без веселья.

— Доброта... Она ведь не выживает в таких условиях. Её топчут, её ломают.

— Значит, мы будем её защищать. Как цветок, который растёт среди камней.

— А если он погибнет?

— Тогда мы посадим новый.

Она посмотрела на него долго, внимательно.

— Ты веришь в это? По-настоящему?

— Я не верю. Я знаю. Потому что если этого нет, то значит я полный придурок, и уже давно мёртв.

Они ели молча. Андрей разделал кролика, которого поймал ещё утром, пожарил на вертеле. Запах мяса наполнил воздух, пробуждая забытые ощущения уюта, дома, безопасности. Лиза ела медленно, смакуя каждый кусочек, будто пытаясь удержать этот миг.

Когда последний кусочек исчез, она вскипятила воду в ко-

телке, заварила сушёные травы — то, что успела взять из дома. Чай пах летом, домом, чем-то безвозвратно ушедшим.

— Расскажи мне о мире, — вдруг попросила она, глядя в пламя. — Какой он был до... всего этого?

— Странная ты.

— Я помню свой мир, свою жизнь. А как было у тебя?

Андрей откинулся на локоть, уставился в небо, где уже проступали первые звёзды.

— Он был шумным. Слишком шумным. Люди бежали, не зная куда. Работа, деньги, соцсети... Всё казалось важным, но на самом деле — пустым. Мы строили замки из песка, а потом удивлялись, почему они рушатся.

— А ты? Ты тоже бежал?

— Думал, что нет. Думал, что держу всё под контролем. А оказалось, что даже любовь не спасает от случайности.

— Но ведь любовь — это не случайность.

— Нет. Но её легко потерять. Особенно когда мир начинает рушиться. Люди становятся злыми, жадными, эгоистичными. Они забывают, что главное для них не выжить, а остаться человеком.

— А мы? Мы останемся?

— Мы должны. Иначе зачем всё это?

Лиза опустила глаза.

— Иногда мне кажется, что мы уже не те, кем были. Что внутри нас что-то сломалось.

— Сломалось ведь не значит погибло. Можно починить.

Нужно только верить.

— Во что?

— Ну, например, в то, что мы сильнее страха. Что мы можем создать свой мир даже если он будет размером с этот костёр.

Она улыбнулась слабо, но искренне.

— Тогда давай создадим его, господин философ.

Ночь сгушалась. Ветер шелестел листвой, где-то вдалеке ухала сова. Лиза прижалась к своему рюкзаку, пытаясь согреться.

— Холодно, — прошептала она.

Андрей снял куртку, накинул ей на плечи.

— Держи.

— А ты?

— Я привык. К холоду, к темноте, к одиночеству.

— Ты не одинок.

Он посмотрел на неё долго, пристально.

— Да. Теперь не одинок.

Они замолчали. Огонь медленно угасал, оставляя после себя лишь тлеющие угли.

— А что будет с человечеством? — снова спросила Лиза.

— Ты думаешь, мы вымрем, как динозавры?

Андрей долго смотрел в темноту, прежде чем ответить.

— Возможно. Мы сами себя уничтожили. Не вирусом, а страхом. Ненавистью. Неверием. Вирус лишь показал, кто мы на самом деле.

— Но мы... мы ведь не такие?

Он повернулся к ней, в глазах отразился последний отблеск огня.

— Мы — пока. Но страх — это вирус похуже того, что убил наших близких. Он заражает души. И если не бороться, он победит.

— Как бороться?

— Помнить. Помнить, кто ты. Помнить, что ты не зверь. Что ты можешь любить, жалеть, прощать.

— А если не получится?

— Тогда мы хотя бы попытались. А это уже больше, чем сделали остальные.

Утро встретило их прохладой и пением птиц. Андрей поднялся первым, размял плечи, огляделся. Лиза спала, свернувшись у потухшего костра. Он накрыл её своей курткой, тихо двинулся вперёд разведать путь.

Лес менялся. Деревья становились реже, между ними пробивались солнечные лучи. Где-то вдали журчала вода. Андрей ускорил шаг.

Через полчаса он вышел к ручью. Чистая, прозрачная вода бежала по камням, звеня, как колокольчики. Он опустился на колени, зачерпнул ладонями, выпил. Холод пронзил до костей, но вместе с ним пришло ощущение того, что здесь можно жить.

Он обернулся и увидел дом.

Лиза подошла, когда он уже осматривал крыльцо.

— Это... настоящее? — прошептала она, не веря глазам.

— Мне не снится?

Дом стоял среди поляны, окружённый высокими елями. Деревянный, крепкий, с резными наличниками и крышей, покрытой мхом. Дверь была заперта, но не наглухо — видно, что хозяева ушли, а не бежали.

Андрей толкнул дверь. Она скрипнула, но поддалась.

Внутри пахло пылью и деревом. Но не тленом, а это значит, дом не заброшен давно.

Они вошли.

Большая комната с печью, стол, лавки. В углу одна кровать с потёртым одеялом, в противоположном ещё одна. На полках посуда, книги, сушёные травы. В дальнем помещении находилась кладовая с пустыми мешками и банками.

— Здесь есть всё, — выдохнула Лиза, проводя рукой по столу. — Даже... даже жизнь.

Андрей подошёл к окну, выглянул. Ручей рядом, лес вокруг, и ни следа людей.

— Это то, что нам нужно, — сказал он. — Пока что.

— А потом?

— Потом будем решать. Но здесь мы сможем как минимум передохнуть.

Лиза опустилась на лавку, закрыла лицо руками.

— Я не верю. Просто не верю, что это реально.

Андрей сел рядом, положил руку на её плечо.

— Пока ещё рано делать выводы, но задержаться тут хо-

тя бы на несколько дней чтобы набраться сил точно не помешает.

— А если они вернутся? Хозяева?

— Тогда мы уйдём. Но пока можешь располагаться.

Глава 3. Новая жизнь

Глава 3. Новая жизнь

Утро встретило их бледным солнцем, пробивающимся сквозь занавески. Лиза проснулась первой. Непривычная тишина без грохота городских машин и гула толпы казалась почти нереальной. Она села на кровати, огляделась. Дом, ещё вчера казавшийся призрачным видением, теперь выглядел по-настоящему: деревянные стены, отполированные временем, печь с потрескавшейся изразцовой плиткой, стол, накрытый льняной скатертью с выцветшей вышивкой.

Андрей уже был на ногах. Он стоял у окна, разглядывая двор, и что-то тихо насвистывал — мелодию, которую, наверное, слышал ещё в детстве.

— Доброе утро, — тихо сказала Лиза.

Он обернулся, кивнул.

— Пора за работу. Нужно привести всё в порядок, пока погода позволяет.

Они начали с воды. Андрей взял два ведра и направился к колодцу. Лиза последовала за ним, неся тряпки и мыло.

Колодец оказался глубоким, с чистой, ледяной водой. Андрей опустил ведро, дождался звона цепи, потянул вверх. Вода плескалась, отражая небо.

— Поможешь? — спросил он, протягивая второе ведро.

Лиза кивнула, взялась за ручку. Вместе они перенесли во-

ду в дом.

— Сначала полы, — распорядился Андрей. — Потом стены. Нужно выгнать пыль и запах запустения.

Они работали молча, но в этом молчании не было напряжения, а только сосредоточенность и понимание, что каждый шаг приближает их к чему-то новому.

Лиза тёрла доски пола, смывая десятилетия пыли. Андрей протирал полки, вынимал книги, стряхивал с них паутину. На одной из полок он нашёл старую фотографию: семья: мужчина, женщина и двое детей. Все улыбаются на фоне этого же дома.

— Они были счастливы здесь, — пробормотал он.

— А мы? — спросила Лиза, не поднимая головы.

— Мы тоже будем. Просто нужно время.

К полудню дом преобразился. Полы сияли, стены дышали свежестью, а в воздухе пахло мылом и деревом. Андрей вышел во двор осмотреть хозяйство.

В сарае он обнаружил инструменты: топор, пилу, молоток, гвозди. Всё ржавое, но пригодное к работе. Он взял топор, проверил лезвие.

— Что будешь делать? — спросила Лиза, выходя следом.

— Кровать нужно починить. Дверь скрипит. Ещё навес перед крыльцом почти развалился. Работы хватает.

— Я могу помочь.

— Можешь. Держи молоток.

Они работали до вечера. Андрей пилил, колотил, чи-

нил. Лиза подавала гвозди, держала доски, иногда пыталась что-то сколотить сама. Её руки, привыкшие к клавиатуре и тонким книжным страницам, теперь познавали тяжесть молотка и шершавость дерева.

— Больно? — спросил Андрей, заметив, как она поморщилась, ударив палец.

— Нет, — она улыбнулась. — Просто непривычно. Но это... хорошо.

— Хорошо, — согласился он. — Работа очищает.

Когда солнце начало клониться к закату, они сели на крыльце, уставшие, но довольные. Дом выглядел живым, теперь уже совсем не заброшенным, а ждущим.

— Завтра займусь баней, — сказал Андрей. — Нужно проверить котёл, растопить топку.

— О, баня! — Лиза зажглась. — Я так хочу помыться по-человечески...

— Будет. Всё будет.

Утро следующего дня началось с дыма. Андрей разжигал баню очень осторожно, проверяя каждую деталь. Было бы печально, если бы в механизме имелась брешь. Но котёл оказался крепким, топка тянула хорошо. Когда печь разогрелась, он позвал Лизу.

— Готово. Иди, парься. А я пока в лес — нужно добыть еду.

Она кивнула, сжимая в руках чистое полотенце.

— Будь осторожен.

— Всегда.

Андрей шёл вглубь леса, вдыхая запах хвои и влажной земли. В руке держал нож, за спиной свисал мешок. Он прислушивался к каждому шороху, приглядывался к следам на земле.

Сначала он собрал грибы — белые, подберёзовики, пару лисичек. Потом наткнулся на заросли дикой малины — ягоды были мелкими, но сладкими. Он набрал их в карман, чтобы потом заварить чай.

А потом появился... кабан.

Зверь вышел из-за деревьев неожиданно, огромный, с клыками, блестящими на солнце. Андрей замер. Кабан фыркнул, опустил голову, готовясь к атаке.

— Тихо, — прошептал Андрей. — Тихо...

Он медленно вытащил нож, прижался к стволу. Кабан сделал шаг вперёд, потом ещё один. Андрей ждал.

Когда зверь бросился, Андрей увернулся, схватил его за ухо, рванул вниз. Кабан взвизгнул, попытался вырваться, но Андрей держал крепко. Нож вошёл в шею быстро, точно.

Всё было кончено за минуту.

Андрей стоял над тушей, тяжело дыша. Руки дрожали, но не от страха, а от напряжения. Он вытер нож о траву, оглядываясь по сторонам, нет ли где рядом его «товарищей». Потом начал разделывать добычу.

К вечеру он вернулся домой, волоча за собой тушу. Лиза выбежала на крыльцо.

— Ты... ты жив! — она бросилась к нему, потом замерла, увидев кабана. — Ты его...

— Да. Теперь у нас есть мясо.

Она смотрела на него сначала с испугом, потом с восхищением.

— Какой ты сильный, Андрей. Настоящий добытчик.

— Просто умею выживать, — отмахнулся он.

— Нет. Ты больше, чем просто выживаешь. Ты... — она запнулась, подбирая слова. — Ты как отец. Который заботится.

Андрей замер. В груди что-то сжалось. Он не ожидал этих слов.

— Я не он, — тихо сказал он. — Но постараюсь.

Лиза улыбнулась тепло, искренне.

— Этого достаточно.

Они разделали кабана, засолили часть мяса, остальное решили приготовить на ужин. Андрей разжёг огонь во дворе, повесил над ним котелок. Запах жареного мяса наполнил воздух, вызывая у Лизы головокружение от голода.

— Вспомнила, как мама пекла пироги, — вдруг сказала она, глядя на огонь.

— Помню и я. У моей матери был особый рецепт — с грибами и луком.

— А ты умеешь готовить?

— Что-то умею. А если чего-то не знаю, ты подскажешь. Нам нужно всё уметь.

— Думаешь, мы сможем жить так всегда?

— Не знаю. Но пока вроде всё идёт как надо.

Они ели молча, наслаждаясь каждым кусочком. Мясо было жёстким, но вкусным, самым настоящим, добытым трудом и риском.

— Спасибо, — сказала Лиза, когда ужин закончился. — За всё.

Андрей кивнул.

— Это только начало.

И в этот момент, под звёздным небом, у костра, они оба почувствовали, что что-то меняется. Не мир. Они сами.

Глава 4. Новый смысл

Глава 4. Новый смысл

Рассвет подкрадывался тихо, словно боялся нарушить хрупкую гармонию их нового мира. Лиза проснулась от птичьего щебета, непривычного, почти сказочного звука после месяцев грохота и тревоги. Она потянулась, села на кровати, оглядела комнату.

Дом уже не казался чужим. Деревянные стены, отполированные их руками, печь, которую они вместе чистили каждый вечер, полки с аккуратно расставленной посудой — всё это стало *их* пространством. Пространством, где можно дышать.

Андрей уже был на ногах. Она услышала, как он возится во дворе, то ли дрова колет, то ли что-то мастерит. Лиза улыбнулась, накинула платье и вышла.

Он стоял у колодца, проверяя механизм подъёма. Увидев её, кивнул:

— Доброе утро. Сегодня пойду в заброшенный посёлок. Нужно проверить сарай. Там могли остаться инструменты.

— А можно мне с тобой? — спросила Лиза, сама удивившись своей просьбе.

Андрей задумался.

— Там... не самое приятное место. Разруха, пыль, воспоминания.

— Я знаю. Но я хочу видеть, как ты находишь вещи. Как ты... оживляешь прошлое.

Он усмехнулся.

— Оживляю? Скажешь тоже. Скорее, вытаскиваю из мёртвых рук.

— Нет. Ты даёшь им вторую жизнь. Как и этому дому.

Андрей помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Но будь рядом. И если что, то сразу ко мне.

Посёлок встретил их тишиной.

Дома стояли, как скелеты, с выбитыми окнами и просевшими крышами. Улицы поросли травой, а на заборах висели обрывки одежды, то ли забытые, то ли брошенные в спешке.

Лиза шла за Андреем, вжимая голову в плечи. Ей казалось, что за каждым окном прячется чья-то тень, что вот-вот раздастся крик или шорох.

— Не бойся, — тихо сказал Андрей, заметив её напряжение. — Здесь никого нет. Уже давно.

Они зашли в первый сарай. Внутри была пыль, паутина, старые ящики. Андрей начал осматривать содержимое:

— Вот это пригодится, — он вытащил ржавый топор. — И это... — молоток. — А тут... — он замер, разглядывая мешок. — Мука. Немного, но хватит.

Лиза подошла ближе, тронула ткань мешка.

— Она ещё хорошая?

— Проверим. Главное, что есть.

Они обошли ещё несколько домов. В одном нашли гене-

ратор, старый, но, кажется, рабочий. В другом банку с крупами, уже чуть проросшими, но съедобными. В третьем остатки картошки, которую Лиза осторожно сложила в сумку.

— Это как охота, — сказала она, когда они шли обратно. — Только вместо зверей полезные вещи.

— Да, — кивнул Андрей. — Мир теперь — это склад забытых вещей. Мы просто выбираем те, что ещё могут пригодиться.

— А если однажды ничего не останется?

— Тогда мы будем создавать сами.

Вернувшись домой, они разложили находки во дворе. Лиза перебирала крупу, отделяя зёрна от мусора. Андрей осматривал генератор.

— Если получится запустить, у нас будет свет. Хотя бы иногда.

— Свет... — Лиза улыбнулась. — Я уже забыла, как это — не сидеть в темноте.

— Забудешь и снова вспомнишь. Так и живём.

Она посмотрела на него долго, внимательно.

— Ты никогда не сдаёшься, да?

— Сдаваться — значит умирать раньше времени. А мы ещё живы. Помни об этом.

Вечером Андрей пытался поймать волну по радио. Он крутил ручку, прислушиваясь к шипению и треску помех. Лиза сидела рядом, поджав ноги, и молча наблюдала.

— Ничего, — наконец сказал он, выключая аппарат. —

Только шум.

— Может, где-то есть люди? — тихо спросила она. — Кто-то тоже пытаются связаться...

— Может. Но пока в округе мы одни.

В его голосе не было грусти, а только принятие. Лиза вздохнула.

— Иногда мне кажется, что мы последние. Что больше никого не осталось.

— Даже если так — мы всё ещё люди. А это уже много.

Она опустила голову.

— Просто... страшно быть последним.

— Страшно — да. Но мы точно не последние.

Они ужинали у печи. Огонь отбрасывал тёплые блики на стены, превращая тени в причудливые узоры. Лиза ела кашу, сваренную из найденных круп, и думала о том, как быстро меняется её жизнь.

Ещё недавно она боялась взрослого Андрея. Боялась его молчаливой силы, его сурового взгляда. Теперь же он стал для неё чем-то вроде старшего брата, отца, наставника. Она ловила себя на том, что ищет его одобрения, ждёт его слов, его поддержки.

— О чём думаешь? — спросил он, заметив её задумчивость.

— О том, как всё изменилось. А ведь я раньше боялась тебя.

— Понимаю. Я сам себя иногда боюсь.

— Но теперь... теперь я вижу, что ты не просто выживаешь. Ты *живёшь*.

Андрей усмехнулся, но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Живу? Возможно. Но только потому, что есть ради кого.

Лиза замерла.

— Ради меня, что ли?

— Да. Когда потерял своих... — он запнулся, но продолжил. — Думал, что всё кончено. А теперь понимаю, что нет. Ты дала мне смысл.

Она почувствовала, как к горлу подступает комок.

— Я? Но я ничего не сделала...

— Сделала. Ты просто есть. И это уже много.

Спали они в одной комнате, но на разных кроватях. Лиза долго лежала, глядя в потолок, слушая его ровное дыхание. Поначалу было странно ощущать себя рядом с этим взрослым мужчиной, некогда жившим по соседству. Теперь их отношения менялись, становясь теплее и ближе. Он больше не чужак. И она не просто соседская девчонка, а кто-то более близкий.

«Он — мой якорь, — думала она. — Без него я бы точно потерялась».

Андрей тоже не спал. Он смотрел в темноту, вспоминая лицо сына, жену, их смех, их голоса. Но теперь рядом была эта девочка, такая юная, хрупкая, но такая сильная внутри.

«Она — мой шанс, — думал он. — Шанс не превратиться

в зверя».

И в этой тишине, под звёздным небом, они оба понимали, что их связь — это вовсе не случайность. Это спасение. Друг для друга.

Глава 5. Ветер перемен

Глава 5. Ветер перемен

Утро выдалось ясным, почти праздничным. Лиза стояла у крыльца, вглядываясь в лесную тропу. Андрей ушёл ещё на рассвете, сказав, что хочет проверить старые охотничьи пути. Она теребила край платья, прислушивалась к каждому шороху.

И вдруг услышала топот.

Сначала она подумала, что это ветер играет с листвой. Но звук становился громче, ритмичнее. Лиза вскинула голову, и замерла.

По тропе, окутанной солнечными лучами, ехал Андрей. А под ним — конь. Мощный, гнедой, с блестящей шерстью и гордой поступью.

— Боже... — выдохнула Лиза, прижимая руки к груди.

Андрей широко улыбнулся, по-настоящему, как давно не улыбался.

— Ну, что скажешь?

— Это... твой?

— Наш. Нашёл его в заброшенной конюшне. Он был напуган, голоден, но живой. И, кажется, рад компании.

Лиза медленно подошла, протянула руку. Конь фыркнул, но не отстранился.

— Можно?.. — она взглянула на Андрея.

— Конечно. Он теперь твой друг.

Они провели день вместе — втроём.

Андрей учил Лизу обращаться с конём: как правильно подойти, как держать поводья, как садиться в седло. Сначала она боялась. Руки дрожали, а ноги подкашивались. Но постепенно страх отступал, сменяясь восторгом.

— Попробуй шагом, — говорил Андрей, идя рядом. — Чувствуй его ритм. Вы теперь одно целое.

Она кивнула, сжала колени, потянула поводья. Конь двинулся вперёд, сначала медленно, осторожно, потом чуть быстрее. Лиза засмеялась.

— Я еду!

— Теперь давай прибавим шаг.

Шаг перешёл в рысь. Ветер ударил в лицо, волосы разметались, а в груди разливалось странное, пьянящее чувство свободы.

— Андрей! — крикнула она, оборачиваясь. — Я лечу!

Он смотрел на неё, и в глазах его было что-то тёплое, почти отцовское, но уже не только это.

А потом она осмелела.

— Можно галопом?

— Если уверена.

Она была уверена.

Конь рванул вперёд. Лиза пригнулась, чувствуя, как земля уходит из-под ног, как ветер свистит в ушах, как сердце бьётся в такт с копытами. Она смеялась громко, звонко, как

ребёнок, как девушка, как человек, который вдруг вспомнил, что может быть счастливым.

Андрей смотрел, как она уносится вдаль, и в груди что-то сжималось. Он не мог понять — то ли это гордость, то ли страх, то ли что-то ещё, что он давно запретил себе чувствовать.

Когда Лиза вернулась, покрасневшая, с горящими глазами, Андрей уже разгружал седло.

— А это что? — удивилась она, увидев огромный чемодан, перетянутый ремнями.

— Нашёл в одном доме. Там был целый шкаф с женской одеждой. И украшения. Думаю, тебе подойдёт.

Лиза бросилась к чемодану, раскрыла его. Внутри лежали платья, юбки, блузки, всё аккуратно сложено, будто ждало своего часа. Она вытащила шёлковое платье, приложила к себе.

— Оно... прекрасное.

— Примерь.

Она убежала в дом. Через несколько минут вышла в голубом платье с цветочным узором, волосы заплетены в косу.

— Ну как? — спросила, кружась перед ним.

Андрей замер.

В этот момент она была не просто девушкой, которую он спас. Не просто подопечной. Она была женщиной вполне красивой, живой, полной огня.

— Ты... — он запнулся. — Ты выглядишь... потрясающе.

Лиза улыбнулась скромно, но с внутренним торжеством.
— Спасибо. Я давно не чувствовала себя такой... настоящей.

Они сели на крыльцо. Лиза перебирала украшения — бусы, серьги, тонкий серебряный браслет.

— Когда-то это принадлежало кому-то, — тихо сказала она. — Кто-то носил их на свидания, на праздники. А теперь они мои, да?

— Всё в этом мире переходит от одних к другим. Главное, чтобы оно приносило радость.

— Приносит. Спасибо тебе.

Он кивнул, но взгляд его был далёким.

Ночью Лиза лежала в кровати, глядя на его спину. Андрей спал, дыхание ровное, плечи расслаблены.

«Я перестаю видеть в нём отца», — думала она, и от этой мысли внутри всё сжималось.

Раньше он был для неё опорой, защитником, почти родственником. Теперь же... теперь она замечала его руки — сильные, умелые, его голос — низкий, спокойный, его взгляд — иногда слишком внимательный, слишком тёплый.

Ей было восемнадцать. Гормоны бушевали. Мысли путались.

«Это неправильно, — говорила она себе. — Он старше, он другой, он...»

Но тело не слушалось. Сердце билось чаще, когда он был рядом. Когда он касался её плеча, когда смеялся, когда смот-

рел на неё так, будто видел что-то важное. Она гоняла эти мысли, пыталась заглушить их, но они всегда возвращались тихим шёпотом, обжигающим прикосновением, ночным видением.

«Он заботится обо мне. Это всё. Просто забота».

Но в глубине души она знала, что это больше.

Андрей не спал.

Он лежал, слушая её дыхание, чувствуя, как внутри разгорается огонь, тот, который он давно пытался погасить.

«Она просто бедный ребёнок», — твердил он себе.

Но она уже не была ребёнком. Она была девушкой, юной, но с сильным сердцем, с улыбкой, которая могла растопить лёд.

Он вспоминал, как она смеялась верхом на коне, как кружилась в платье, как смотрела на него сначала с доверием, теперь с чем-то ещё.

«Нельзя», — говорил он себе.

Но мысль уже проникла, как яд, как сладкий яд.

Он повернулся, взглянул на неё. В темноте её лицо казалось почти прозрачным, но он знал, что под этой нежной кожей горит жизнь.

«Если бы всё было иначе...»

Но иначе не было. Был только этот дом, только лес, только они двое. И тишина, в которой рождалось что-то новое, очень хрупкое, опасное, неизбежное.

Глава 6. Запретные желания

Глава 6. Запретные желания

Лиза проснулась не резко — медленно, сквозь тёплую дымку полусна. В доме пахло древесным дымом и овсом: Андрей уже растопил печь и, видимо, снова лёг в постель. Она потянулась, не открывая глаз, наслаждаясь редкой минутой покоя, когда мир ещё не ворвался в сознание со всеми своими тревогами и вопросами.

Но потом она заметила движение в комнате. Андрей медленно поднимался с кровати. Его фигура в предрассветном сумраке казалась особенно крупной, почти монументальной. Лиза замерла, притворяясь спящей, но сквозь полуприкрытые веки следила за ним.

И вдруг увидела отчётливый бугорок под тканью трусов. Утренняя эрекция, естественная, как дыхание, как восход солнца. Лиза почувствовала, как кровь прилила к лицу. Она резко отвернулась, уткнувшись в подушку, прикусив губу так, что стало больно.

«Он не знает, что я видела», — пронеслось в голове.

Андрей двигался спокойно, привычно. Для него это было обычным делом, совсем не стыдным для одинокого мужчины, не требующим объяснений. Он потянулся за одеждой, натянул штаны, рубашку. Через минуту напряжение исчезло, словно растворилось в утренней прохладе.

Он вышел во двор, не подозревая о буре, которую вызвал в душе Лизы.

Она лежала ещё несколько минут, боясь пошевелиться. Мысли метались, наплывали одна на другую, путались, обжигали.

«Это ведь нормально? Это просто физиология... Но почему я так реагирую? Почему сердце стучит, будто я пробежала километр? Почему в горле сухо, а ладони вспотели?»

Страх смешивался с любопытством. Она была живым человеком, восемнадцатилетним, полным нерастраченной энергии, тайных желаний, которые прятала даже от себя.

«Я не должна об этом думать. Он старше меня на двадцать с лишним лет. Он тот, кто спас меня, кто учит меня жить заново. Он не... не может быть тем, о ком я начинаю думать».

Но образ его фигуры, его движений, его силы — всё это пульсировало в сознании, как запретный плод. Она пыталась отогнать мысли, но они возвращались — настойчивые, яркие, пугающие своей откровенностью.

Она заставила себя встать, умыться холодной водой, чтобы остудить жар в щеках. В зеркале отразилось её покрасневшее лицо. Глаза блестящие, губы чуть припухшие.

— Дура, — прошептала она себе. — Просто дура. Зачем ты это увидела? Зачем ты об этом думаешь?

Но ответ был прост и неумолимо ясен: потому что она жива. Потому что тело помнит, что значит желать, мечтать, чувствовать. Потому что даже в этом мире, где смерть ходит ря-

дом, в ней всё ещё горит огонь молодости.

Андрей возился во дворе, чистил стойло, наливал воду в корыто, что-то тихо напевал. Лиза наблюдала за ним через окно. Он двигался легко, уверенно, будто родился в этом мире, где нет городов, других людей, а только лес и тишина.

«Как он может быть таким... обычным? — думала она. — После всего, что мы видели? После смерти, страха, пустоты? Он будто знает какой-то секрет, как оставаться собой, как не сломаться».

А потом вспомнила его утренний вид, и снова волна жара. Она резко отвернулась от окна, будто боясь, что он почувствует её взгляд, её мысли.

Она попыталась сосредоточиться на завтраке: сварить кашу, разломать сухари, поставить на стол. Руки дрожали, но она старалась не замечать этого.

Когда Андрей вошёл, она уже раскладывала еду по тарелкам.

— Доброе утро, — сказал он, улыбаясь. — Ты рано встала.

— Не могла больше спать, — ответила она, не поднимая глаз. — Сны... беспокойные.

— А, понимаю. Мне тоже иногда снятся странные вещи. Будто я снова в городе, будто всё как раньше, а потом — раз, и пустота.

— Да, — кивнула Лиза, ставя перед ним чашку с чаем. — Иногда кажется, что это не конец, а просто пауза. Что вот-вот всё вернётся.

— Но не вернётся же, — тихо сказал Андрей, глядя в чашку. — И это хорошо, наверное. Потому что если бы вернулось, мы бы снова забыли, кто мы на самом деле.

— И кто же мы? — спросила Лиза, наконец поднимая на него глаза.

— Люди, которые научились ценить тишину. Люди, которые знают цену куску хлеба и чашки воды. Люди, которые помнят, что жизнь — это не гонка, а путь.

Лиза молчала, впитывая его слова. В них было что-то глубокое, почти священное.

— Такое себе. Ты говоришь так, будто уже прожил сто лет, — улыбнулась она.

— Может, так и есть. Только не в годах дело, а в том, что видел и что пережил.

Они начали есть. Каша была простой, но вкусной, с запахом дыма, с ноткой соли, с теплом рук, которые её приготовили. Лиза ела медленно, стараясь не смотреть на Андрея, но взгляд то и дело скользил по его жилистым рукам, по шее, по линии подбородка.

«А если он тоже думает об этом? Если он чувствует то же самое? Может, он тоже просыпается утром и вспоминает, что рядом есть кто-то живой, тёплый, кто-то, кто смотрит на него не как на спасителя, а как на мужчину?»

Она поймала себя на этой мысли и тут же оттолкнула её — резко, почти болезненно.

— О чём задумалась? — спросил Андрей, заметив её рас-

сеянность.

— Ни о чём, — быстро ответила она. — Просто... думаю о том, как дальше жить.

— Жить просто, — сказал он. — Вставать утром, делать дела, заботиться о том, что есть. Не ждать чуда, а создавать его каждый день.

— Это трудно.

— Конечно. Но иначе нельзя. Иначе мы завоем тут с тобой как волки.

Лиза кивнула, но мысли её были далеко. Она снова вспомнила утреннюю сцену, и жар вернулся, теперь уже не только в щеках, но и в груди, в животе, в кончиках пальцев.

В какой-то момент она поймала его взгляд чуть дольше, чем нужно. Он смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то неуловимое. Или ей показалось?

Она опустила глаза, взяла солонку.

— Соль? — спросила она, протягивая её ему.

Их пальцы соприкоснулись всего на долю секунды, но этого хватило, чтобы Лиза вздрогнула.

Андрей замер, будто тоже почувствовал это прикосновение. Оно повисло между ними, невесомое, но осязаемое, как электрический разряд.

— Спасибо, — тихо сказал он, беря солонку.

Лиза отвернулась, делая вид, что поправляет скатерть. Сердце колотилось так громко, что, казалось, он мог услышать.

«Это просто нервы, — уговаривала она себя. — Просто одиночество. Просто... жизнь. Мы оба одиноки. Мы оба ищем тепла. Но это не значит, что...»

После завтрака Андрей ушёл проверять ловушки. Лиза осталась одна, убирая посуду. Её руки всё ещё дрожали.

Она подошла к зеркалу, взгляделась в своё отражение.

— Что ты делаешь, дура? — прошептала она. — Он не для тебя. Он твой спаситель, твой учитель, твой... друг. Не больше.

Но тело не слушалось. Мысли крутились вокруг него, его голоса, его рук, его взгляда. Она вспомнила, как он улыбался, когда она впервые оседлала коня, как гордился, когда она научилась разжигать печь без спичек.

«Может, это просто благодарность? — пыталась она найти оправдание. — Я благодарна ему за всё. За то, что он рядом. За то, что не бросил. За то, что дал мне шанс».

Но в глубине души понимала: это не только благодарность. Это что-то большее — то, что она боялась назвать даже мысленно.

Она закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Но перед внутренним взором всё ещё стоял он — утренний, реальный, живой.

«Я уже не могу просто быть рядом. Я хочу... большего. Хочу чувствовать его тепло, слышать его дыхание, знать, что он думает обо мне не как о ребёнке, а как о женщине».

Вечером, когда они сидели у печи, Лиза чувствовала, как

между ними растёт невидимая нить. Андрей говорил о планах починить забор, заготовить дрова, проверить дальние поля. Она слушала, кивала, но мысли были далеко.

Она смотрела на его профиль, на тень, которую огонь отбрасывал на стену. И понимала:

«Я уже не могу притворяться. Я хочу, чтобы он знал, что я чувствую. Но боюсь. Боюсь его реакции, боюсь его отказа, боюсь, что разрушу то, что у нас есть».

Андрей замолчал, повернулся к ней. Их взгляды встретились, и на мгновение мир остановился. В этом молчании было всё: страх, желание, сомнение, надежда. А потом он отвернулся, будто испугавшись того, что мог прочитать в её глазах.

Лиза сжала кулаки, пряча дрожь.

«Так нельзя, — думала она. — Нельзя позволить этим чувствам взять верх. Мы должны оставаться теми, кто мы есть: двумя людьми, которые выживают. Не влюблёнными. Не парой. Просто двумя людьми».

Глава 7. Тишина вдвоём

Глава 7. Тишина вдвоём

Месяц. Ровно месяц с того дня, как они переступили порог этого дома. Лиза считала дни не по календарю, ибо его не было, а по циклам природы: по тому, как удлинялись тени, как менялась окраска листвы, как утренний воздух становился прохладнее.

Мир вокруг молчал. Ни криков, ни голосов, ни далёких гудков машин. Только лес, только ветер, только их дыхание. Иногда Лизе казалось, что они последние люди на земле. Что где-то за горизонтом, возможно, есть ещё кто-то, но здесь, в этой долине, они одни. И от этой мысли одновременно становилось и страшно, и... спокойно.

Двор изменился.

Там, где раньше росла лишь трава, теперь тянулись аккуратные грядки: проросла картошка, морковь, лук. Лиза ухаживала за ними с почти религиозным рвением — поливала, рыхлила, отгоняла вредителей. Рядом с огородом ожил курятник, сколоченный Андреем из старых досок. В нём жили три курицы, которых он принёс однажды вечером, довольный, как ребёнок.

— Найдут корм сами, — сказал он тогда. — А нам будут яйца.

Теперь каждое утро Лиза собирала в корзинку тёплые,

пахнущие землёй яйца. Это было маленькое чудо, такое живое, такое настоящее.

А ещё был конь. Гнедой, с белой звёздочкой на лбу. Лиза дала ему имя — Ветер. Он уже привык к ней, позволял гладить шею, брал с ладони кусочки яблока. Иногда она выводила его на луг, распускала поводья, и он бегал, вскидывая голову, а она смеялась, чувствуя, как внутри что-то поёт.

Андрей наблюдал за этим издалека. Молча. Но в его взгляде было что-то тёплое, почти отцовское. Или... не совсем отцовское?

Книги. Их Андрей находил в заброшенных домах. Приносил пыльные, потрёпанные, иногда с вырванными страницами, но живые. Приносил, складывал на полку. Лиза читала их при свете лампы, когда генератор давал достаточно энергии.

Она читала о любви, осторожно, будто касаясь чего-то запретного. О страсти, о встречах, о том, как люди теряли голову от одного взгляда. И каждый раз, переворачивая страницу, она ловила себя на мысли: «А если бы это был он?»

Но тут же останавливала себя.

«Нельзя. Это неправильно».

Этим утром Лиза проснулась раньше Андрея. Солнце ещё не поднялось, но небо уже светлело, окрашивая облака в розовый. Она лежала, прислушиваясь к его дыханию. Он спал на спине, раскинув руки, одеяло сползло до пояса.

Она осторожно приподнялась, взглянула.

И снова этот бугорок под тканью одеяла. Естественный, неизбежный. Утренний.

Её сердце забилося чаще. Она знала, что должна отвернуться, но не могла. Смотрела, затаив дыхание, будто пыталась запомнить каждую линию, каждый оттенок.

«Почему это так волнует меня? Почему я не могу перестать думать об этом?»

Она знала ответ, но боялась его произнести даже мысленно.

Он перевернулся, потянулся, открыл глаза. Лиза резко опустилась на подушку, притворилась спящей.

— Лиза? — тихо позвал он. — Ты не спишь?

— Сплю, — пробормотала она, не открывая глаз.

Он усмехнулся, встал, потянулся за одеждой.

— Пора работать. А ты спи ещё.

Он уходил в лес проверять ловушки, осматривать границы, искать что-то полезное. Иногда возвращался с пустыми руками, иногда с добычей: грибами, ягодами, дичью.

Лиза оставалась дома. Готовила, убирала, стирала, ухаживала за огородом и курами. Всё это она делала не просто из обязанности, а также из собственного желания. Желания отблагодарить его за то, что он был рядом, за то, что не бросил её, и за то, что давал ей шанс жить.

Когда он возвращался, она встречала его улыбкой, ставила на стол горячую еду. Он ел, хвалил её стряпню, рассказывал о том, что видел в лесу.

Иногда их разговоры заходили в опасные зоны.

— Ты когда-нибудь думала о том, что будет дальше? — спросил он однажды, помешивая чай.

— Дальше? — она подняла взгляд. — Не знаю. Наверное, будем жить так же.

— А если найдём других людей?

— Тогда... — она запнулась. — Тогда всё изменится.

— Да. Но не факт, что станет лучше.

— Почему?

— Потому что люди... они забывают. Забывают, кто они, когда всё легко. Когда есть магазины, электричество, интернет. А когда остаётся только ты и лес, тогда ты видишь себя настоящего.

— И какой ты настоящий? — спросила она, сама не зная, зачем.

Он задумался.

— Я... — он посмотрел на неё. — Я тот, кто хочет защитить. Кто хочет, чтобы рядом был кто-то живой, тёплый, кто-то, кому можно доверять.

Её сердце дрогнуло.

— Это я? — прошептала она.

— Ты... — он замолчал, будто подбирая слова. — Ты именно тот, ради кого стоит просыпаться.

Тишина повисла между ними, густая, почти осязаемая. Лиза чувствовала, как кровь стучит в висках.

— Спасибо за всё, Андрей, — сказала она наконец, опус-

кая глаза.

По утрам она продолжала подглядывать.

Это стало её тайной привычкой — просыпаться раньше, наблюдать за ним, ловить эти мимолетные мгновения, когда он ещё не осознаёт, что она видит его.

Сначала ей было стыдно. Потом любопытно. Со временем почти необходимо.

Она представляла, как он просыпается рядом с ней, как его рука касается её плеча, как он смотрит на неё не как на ребёнка, а как на женщину.

Но каждый раз, когда они встречались взглядами, она отступала. Потому что боялась, что он не чувствует того же. Боялась, что это разрушит их хрупкий мир.

Однажды вечером, когда генератор тихо гудел, освещая комнату тёплым светом, она решилась.

— Андрей, — позвала она, сидя у окна. — Ты когда-нибудь... скучаешь по прошлому?

Он поднял голову от книги.

— По прошлому? — переспросил он. — Иногда. Но чаще думаю о настоящем.

— А о будущем?

— О будущем? — он отложил книгу. — Оно здесь. В этом доме. В тебе. В том, что мы делаем каждый день.

— Но ведь... — она запнулась, но продолжила: — Ведь мы могли бы... могли бы жить иначе.

— Иначе? — он нахмурился. — Это как же?

— Ну, не знаю, — она опустила глаза. — Просто... иногда мне кажется, что мы оба думаем о чём-то большем.

Он молчал. Слишком долго.

— Лиза, — наконец сказал он, и голос его звучал непривычно тихо. — Мы живём в мире, где нет гарантий. Где каждый день — это подарок. И я благодарен за каждый такой день. Сам не знаю как, но со временем я стал жить только одним днём. Хорошо это или плохо, сам не знаю. Но...

— Что? — она подняла на него глаза.

— Мы должны ценить свой день. Потому что если мы ошибёмся... если мы сделаем шаг, которого не сможем вернуть... это может всё разрушить.

Она кивнула.

— Понимаю.

Но внутри что-то надломилось.

Ночью она лежала, глядя в потолок. Он спал рядом, спокойно, ровно. А она не могла уснуть. Мысли крутились, как листья на ветру:

«Он прав. Мы не можем. Не должны. Это ли он имел в виду, или же я думаю только о том, о чём желаю думать? Но почему так больно?»

Она закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Но сон не шёл. Только тишина. И его дыхание. И стук её сердца, которое билось слишком быстро.

Глава 8. Между страхом и желанием

Глава 8. Между страхом и желанием

Парная дышала теплом, обволакивала густым паром, приглушала звуки внешнего мира до едва уловимого шёпота. Лиза сидела на лавке, обхватив колени, и слушала, как стучит сердце, то ли от жара, то ли от мыслей, которые никак не удавалось усмирить. Капли пота стекали по вискам, но она не замечала их, погружённая в водоворот собственных ощущений.

«Я одна. Совсем одна», — снова и снова звучало в голове, обретая новую глубину с каждым повторением.

Не физическая изоляция, а душевная. Ей не хватало не просто человека рядом, а именно *его* присутствия: прикосновения, взгляда, слова, сказанного не по делу, а просто потому, что хочется услышать голос другого человека, почувствовать связь.

И в голове снова Андрей. Его руки, сильные и умелые, его голос, низкий и спокойный, его молчание, в котором порой читалось больше, чем в любых словах. Она закрыла глаза, позволяя фантазиям взять верх.

Представляла, как он входит, садится рядом, касается её плеча... Как его пальцы скользят по влажной коже, как она

поворачивается к нему, и...

— Нет, — прошептала она резко, открывая глаза. — Нельзя.

Но тело не слушалось. Внутри разгоралось то, что она так долго пыталась подавить. Мысли крутились, наплывали одна на другую, обжигали.

«Я хочу его. Хочу по-настоящему. Но что, если он не захочет меня? Что, если я всё разрушу? Что, если после этого мы не сможем смотреть друг другу в глаза? Что, если он посчитает меня наивной дурочкой, которая не понимает, о чём мечтает?»

Она провела рукой по лицу, смахивая капли пота, и тяжело вздохнула. В парной было душно, но это лишь усиливало ощущение внутреннего разлада.

Когда она вышла из бани, закутавшись в полотенце, прохладный вечерний воздух обжёг кожу. Лиза вздрогнула, но не от холода, а от внезапного осознания, что момент может быть упущен навсегда.

Андрей сидел у костра, подбрасывал сухие ветки. Пламя вспыхивало ярче, освещая его лицо неровным светом. Увидев её, он кивнул:

— Всё? Помылась?

— Да, — ответила она, не глядя на него. — Теперь твоя очередь.

— Хорошо, — он поднялся, потянулся, разминая плечи. — Сегодня пар особенно хорош. Ты долго сидела?

— Не знаю... — она пожала плечами. — Время здесь течёт иначе.

— Это правда, — он улыбнулся краешком губ. — В городе минуты летят, а здесь растягиваются. Иногда и мне кажется, что мы живём вне времени.

Лиза кивнула, но ничего не сказала. Она стояла, кусая губы, глядя, как он исчезает за дверью бани.

«Сейчас или никогда», — билось в голове.

Но ноги не шли. Страх сковывал движения, парализовал волю.

Андрей вошёл в парную. Жар встретил его, как старый друг, знакомый, привычный. Он лёг на лавку, закрыл глаза. Тишина. Только треск дерева в печи, шелест пара. Он пытался ни о чём не думать. Но мысли, как птицы, бились в голове.

Лиза. Её смех, звонкий и чистый, как ручеёк. Её взгляд, то застенчивый, то неожиданно смелый. Её тело, скрытое под простой одеждой, но от этого ещё более манящее.

Он тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу. Пот стекал по вискам, смешиваясь с воспоминаниями.

Перед глазами возникла жена. Её улыбка, её прикосновения, её тепло. Прошрое, которого не вернуть. Он помнил, как они смеялись вместе, как строили планы, как верили, что впереди у них целая жизнь. А потом наступила пустота.

А потом в его жизни появилась Лиза. Юная, живая, полная огня. Она напоминала ему весну, ту, которую он уже почти забыл.

Он попытался отогнать образ, но он возвращался — настойчивый, яркий.

Его рука сама потянулась вниз.

«Нет. Это неправильно», — твердил он себе.

Но тело уже не слушалось. Он закрыл глаза, представляя её рядом. Её губы, её дыхание, её пальцы, скользящие по его коже. Мысли путались. Он ненавидел себя за это, но не мог остановиться.

— Лиза... — прошептал он, и это имя стало последним, что он произнёс перед тем, как волна наслаждения накрыла его.

Лиза стояла у двери бани. Ей казалось, что она слышала его дыхание, сначала ровное, потом учащённое. Потом как будто бы последовал тихий стон.

Её сердце замерло.

«Он... думает обо мне?» — пронеслось в голове.

Она подняла руку, чтобы толкнуть дверь. Уже почти вошла, но вдруг остановилась.

Что, если он разозлится? Что, если оттолкнёт её? Что, если после этого они не смогут смотреть друг другу в глаза? Что, если он решит, что она наглая, бесстыжая девчонка, которая не умеет держать себя в руках?

Страх сковал её невидимыми цепями. Она представила, как входит, как говорит: «Я хочу быть с тобой», а он смотрит на неё с холодным удивлением, качает головой и отвечает: «Ты ещё ребёнок. Ты не понимаешь, о чём просишь».

От этой мысли стало больно так, что перехватило дыхание.

Она отступила. Тихо, почти бесшумно.

Андрей пришёл в себя. Пот стекал по телу, но теперь он чувствовал не жар, а холод. Он встал, зачерпнул воды из таза, смыл следы своего греха.

«Что со мной такое творится?» — снова и снова повторял он про себя.

Он смотрел на свои руки, будто они совершили что-то непоправимое.

«Она — не она. Она — дитя. Она — спасённая. Она — мой долг», — твердил он, пытаясь вернуть себе контроль.

Но внутри что-то кричало: «Она же женщина. Она живая. Она рядом».

Он закрыл глаза, пытаясь собраться. Глубоко вдохнул, выдохнул, пытаясь успокоить разум.

«Завтра я буду снова продлевать изгородь вокруг дома. Завтра я проверю ловушки. Завтра я сделаю всё, чтобы этот дом оставался нашим убежищем. Чтобы она чувствовала себя в безопасности. Чтобы она знала, что я не подведу».

Лиза лежала в кровати, укутавшись в одеяло. Она слышала, как он вошёл, как расправляет свою постель, как со скрипом опускается на кровать. Ей хотелось повернуться, посмотреть на него, сказать что-то, хоть что-нибудь. Но она лежала неподвижно, боясь пошевелиться. В голове крутилось:

«Я должна была войти. Я должна была сказать. Я должна была объяснить, что чувствую. Что мне страшно, но я готова рискнуть. Что я больше не могу молчать».

Но было уже поздно о чём-то жалеть. Она проиграла. Проиграла не ему, а себе.

Ночь тянулась медленно. Они лежали в одной комнате, но между ними была пропасть из страха, сомнений, невысказанных слов.

Лиза смотрела в темноту, думая о том, что могла бы сказать, что могла бы сделать, что могло бы быть, если бы... Если бы она не испугалась. Если бы он не сопротивлялся своим чувствам. Если бы они оба нашли в себе смелость произнести вслух то, что давно жило в их сердцах. Но «если бы» не имело значения. Было только «сейчас», и это «сейчас» молчало.

Где-то вдали ухнул филин. Звук прорезал тишину, заставил Лизу вздрогнуть. Она прижала одеяло ближе к груди, будто оно могло защитить её от собственных мыслей.

«Почему так сложно? Почему нельзя просто сказать: „Я хочу тебя“? Почему нужно бояться, сомневаться, прятаться за вежливыми фразами и дежурными улыбками?»

Она повернула голову, взглянула на его силуэт в темноте. Он лежал неподвижно, но она знала, что он не спит. Она чувствовала это.

«Если бы я могла прочитать его мысли... Если бы я только знала, что он чувствует...»

Андрей, словно уловив её взгляд, чуть повернулся. Их глаза встретились лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы оба почувствовали, что что-то висит между ними, что-то огромное, неоформленное, но живое.

Он открыл рот, будто хотел что-то сказать. Она задержала дыхание, ожидая, но он неожиданно закрыл глаза и отвернулся.

Тишина вернулась. Ещё тяжелее, ещё гуще.

Глава 9. Рубеж дозволенного

Глава 9. Рубеж дозволенного

Сон отступил внезапно и безвозвратно, будто кто-то выключил звук в мире. Лиза лежала неподвижно, вслушиваясь в стук собственного сердца и в мерное, тяжёлое дыхание на другом краю кровати. Темнота в комнате была густой, почти осязаемой, и в ней каждое чувство обострялось до боли. Особенно одно — настойчивая, влажная теплота внизу живота, пульсирующий позыв, с которым она боролась уже добрый час.

Она сжимала ноги, пытаясь мысленно отвлечься, но тело не слушалось. Одиночество, которое копилось в ней неделями, сжалось теперь в один тлеющий, физический комок страха и желания. Страх остаться наедине с этой пустотой. Желания — выйти из неё любой ценой, почувствовать хоть какое-то подтверждение того, что она жива, что она здесь.

Андрей пошевелился во сне, и она замерла. Долгие минуты она просто слушала, как он дышит, представляя себе размытые черты его лица в подушке. Он был здесь, всего в двух метров от неё. Единственный якорь в этом чужом доме, в этой беспросветной жизни. И барьер. Невидимая, но прочная стена приличий, возраста, ролей.

Стена, которую ей предстояло разрушить. Или сгореть.

Решимость пришла не как порыв, а как тихое, леденя-

щее оцепенение. Она уже не думала о последствиях. Думало лишь тело, ведомое инстинктом и тоской. Одеяло зашуршало, когда она бесшумно соскользнула с кровати. Пол был холодным. Парой шагов она преодолела пропасть темноты.

Он спал на боку, спиной к ней. Лиза прильнула к его спине всем телом, вжавшись в тёплый хлопок его футболки, стараясь уместиться на узкой полоске матраса. Её сердце колотилось так громко, что, казалось, разбудит весь дом.

Оно и разбудило его.

Андрей вздрогнул всем телом, резко обернулся, и в следующее мгновение его фигура, смутная и огромная, уже нависла над ней в темноте. Лизе показалось, что жизнь её обрывается на этом вздохе. Что сейчас последует крик, отторжение, позор. Она видела лишь белый овал его лица и чувствовала на себе давящий груз его непонимания.

— Лиза? Ты что? — голос его был хриплым от сна, но в нём уже звучала тревога.

Она не дала ему опомниться, не дала включиться сознанию. Слова вырвались шёпотом, заученной, жалобной молитвой:

— Мне так страшно. Так одиноко. Можно... можно я сегодня тут? Я просто посплю рядом. Обещаю.

Он не ответил. В тишине она слышала, как бьётся его сердце, точно быстрее, чем минуту назад. Он размышлял. Взвешивал. Она читала эту внутреннюю борьбу в его напряжённой неподвижности. «Неправильно», — должно бы-

ло кричать в нём всё.

Она не оставила ему шанса на раздумье. Прижалась ещё сильнее, уткнувшись лицом в подушку, пахнущую им — мылом, мужским потом, сном. Её рука легла ему на бок, будто случайно. Жест ребёнка, ищущего защиты.

Андрей молча вздохнул. Этот звук был похож на капитуляцию. Он откинул одеяло, пуская её в своё теплое пространство. Граница была нарушена.

Она обняла его сзади, прижавшись грудью к его лопаткам. Он остолбенел, застыл в неловкости, и она почувствовала, как напряглись все его мышцы. Его мозг лихорадочно обрабатывал, ища логику там, где её не было — только голый, дрожащий нерв.

А потом её рука, будто сама собой, нерешительно, почти несмело, скользнула с его живота ниже.

Прикосновение было пушинкой, вопросом. Но тело Андрея ответило мгновенно и властно, яростным приливом крови, превратившим его в натянутый лук. Он сам испугался этой немой, животной реакции, этого предательского вздрагивания под её ладонью. Он замер, затаив дыхание, пока её пальцы, набравшись смелости, не принялись осторожно, с любопытством исследовать форму, уже отчётливо проступившую сквозь ткань боксёров. Гладить. Мять.

Ему стало невыразимо хорошо. Это «хорошость» оглушила его, смыла последние островки сопротивления. Он не чувствовал ничего подобного уже очень давно. Это живое, тре-

петное тепло, эта податливая нежность в темноте. Фантомы из парной, тёмные и стыдные, вдруг обрели плоть. И эту плоть ему не надо было брать силой. Её протягивали ему на ладонях, с дрожью и доверием.

Мысль пронзила его, ясная и освобождающая: *«Она хочет этого. Сама хочет».*

Это осознание снесло последние дамбы. Оно превратило возможное преступление в дар, её уязвимость — в силу, а его ответственность — в разменную монету. Он повернулся к ней.

В слабом свете, пробивавшемся из-за шторы, он увидел её лицо. Глаза, огромные и тёмные, смотрели на него без тени сомнения. Только ожидание. Она уже отдалась, и теперь дело было за ним.

Он медленно, как бы проверяя реальность происходящего, провёл большим пальцем по её щеке, по дуге брови, коснулся губ. Они были мягкими и чуть приоткрытыми. Она не отстранилась. Наоборот, её ресницы дрогнули.

Молчание взорвалось прикосновениями. Его рука нащупала под тонкой майкой упругость маленькой груди, твёрдую точку соска. Она ахнула, выгнулась. Его ладонь поползла ниже, по плоскости живота, скользнула под резинку её трусиков, и утонула в горячей, трепетной влажности.

Он наклонился, чтобы поймать её губы, но она отвернулась, подставив хрупкую, бледную шею. Поцелуй застрял в воздухе. Здесь не было места романтике. Только физиоло-

гия, чистая и неумолимая. Это было её правилом, её последней гранью.

Его руки, теперь уже уверенные, жадные, стащили с неё лёгкие шорты и бельё. Она помогала, приподнимая бёдра, выходя из одежды, как бабочка из куколки. Высвободившийся из-под ткани, его член, напряжённый и тяжёлый, сам нашёл дорогу. Пара неловких, резких толчков, и тугая, бархатистая плоть сдалась, приняв его внутрь.

Лиза резко вдохнула, её глаза расширились. Боль — острая, прожигающая — смешалась с чем-то невероятно новым, со жгучим чувством наполненности, преодоления. Она прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, и вгрызлась зубами в собственную кожу, превращая боль в наслаждение. Сегодня она перестала быть девочкой. Это знание было горьким и сладким одновременно.

Андрей двигался сначала осторожно, прислушиваясь, но скоро его движения стали глубже, увереннее. Её тело отвечало, подстраивалось, училось. И ему было хорошо. Невыносимо хорошо. Чувство власти смешивалось с благодарностью, жалость — с похотью.

В какой-то момент, умело, почти без усилий, он перевернул её на живот, приподнял её бёдра, облапив их обеими руками, и вошёл в неё сзади. Новый угол, новая глубина. Лиза застонала, уткнувшись лицом в смятую простыню. Она чувствовала себя игрушкой, вещью, и в этом была своя порочная свобода. Не надо думать. Надо только чувствовать, под-

даваться, тонуть в нарастающем внутри давлении.

Волна пришла неожиданно, сокрушив её изнутри судорожными, сладкими спазмами. Она закричала, но крик растворился в подушке. Через мгновение её догнал он, рывком вырвавшись из неё, он горячими, липкими толчками выплеснул семя ей на спину и поясницу. Жаркое клеймо.

Он рухнул рядом, тяжело дыша. Лиза лежала неподвижно, чувствуя, как странная жидкость медленно стекает по её коже. В комнате пахло сексом, потом и разлитым в воздухе стыдом. Простынь пропитана кровью девственницы.

Молчание вернулось, но теперь оно было другим, каким-то густым, неловким, безвозвратным. Они перешли рубеж, за которым не было карты.

Это была их первая ночь. И последняя невинность.

Лиза прижалась к нему, положила голову на плечо.

— Теперь ты прогонишь меня? — спросила она, и в голосе прозвучала детская неуверенность.

Он улыбнулся, провёл рукой по её волосам.

— Нет. Теперь я не отпущу тебя.

Она удовлетворённо вздохнула, закрыла глаза.

— Мне страшно.

— Мне тоже.

— Но хорошо.

— Да. Очень хорошо.

За окном луна медленно уходила за облака. Ночь становилась темнее, но в комнате было светло от тепла двух тел,

от дыхания двух сердец. Лиза уснула, наконец, убаюканная его присутствием. Андрей лежал, глядя в потолок, и думал о том, как изменится их жизнь теперь после случившегося.

Он поцеловал её в макушку, прижал ближе, и тоже закрыл глаза.

Утром всё будет иначе. Но сейчас, сейчас был только этот миг, и он был настоящим.

Глава 10. После греха

Глава 10. После греха

Солнце пробилось в окно раньше обычного тонкими золотыми лучами, лёгкими, почти робкими. Лиза открыла глаза и на мгновение замерла, пытаясь осознать, где она и что происходит.

Потом почувствовала тепло рядом. Повернула голову.

Андрей спал на спине, лицо расслаблено, дыхание ровное. Его седая борода казалась особенно заметной в утреннем свете. Лиза осторожно протянула руку, коснулась кончиками пальцев жёстких волосков. Он слегка нахмурился, но не проснулся.

Она улыбнулась.

«Это правда. Всё это — правда».

Он проснулся через несколько минут, почувствовал её взгляд. Открыл глаза, встретил её улыбку, и на секунду растерялся. Потом тоже улыбнулся, чуть смущённо.

— Доброе утро, — прошептала она.

— Доброе... — он провёл рукой по лицу, будто стряхивая остатки сна. — Ты... не ушла.

— А должна была?

Он не ответил. Только потянулся к ней, осторожно обнял, приблизил к себе. Она прильнула, уткнулась носом в его плечо. В этом объятии было всё: и страх, и радость, и неуверен-

ность, и надежда.

Завтрак прошёл в непривычной тишине. Не в той тяжёлой, что бывает между людьми, которые поссорились, а в лёгкой, почти игривой. Они переглядывались, улыбались, иногда касались друг друга руками, случайно, будто проверяя, можно ли.

— Кофе? — спросил Андрей, протягивая ей чашку.

— Спасибо, — она взяла, задержав пальцы на его ладони.

— Ты всегда так рано встаёшь?

— Обычно да. Но сегодня... — он запнулся. — Сегодня не хотелось.

— Мне тоже.

Они засмеялись очень тихо, почти шёпотом.

День прошёл почти как обычно. Андрей пошёл проверять ловушки, Лиза занялась огородом. Но всё было иначе. Каждый взгляд, каждое слово, каждый случайный контакт теперь имели новый смысл.

Когда он вернулся, она встретила его у двери.

— Ну что, добытчик, улов есть?

— Пара кроликов. Хватит на ужин.

— Хорошо. Я... я приготовила салат.

— Отлично. — Он поставил корзину с добычей на стол, посмотрел на неё. — Ты сегодня вся светишься. Красивая очень.

Слова вырвались сами. Он тут же смутился, будто сказал что-то запретное. Но Лиза широко улыбнулась, довольная.

— Спасибо.

Вечером они сидели у печи. Огонь трещал, отбрасывал на стены танцующие тени. Андрей чинил сеть, Лиза училась вязать шарф, так, просто чтобы занять руки.

— О чём думаешь? — спросил он, не поднимая глаз.

— О том, как всё изменилось. — Она положила спицы на колени. — Я больше не чувствую себя одинокой.

— Я тоже.

Молчание. Но теперь оно не тяготило, а наоборот, было уютным, почти родным.

— Ты... ты чего-то боишься? — наконец спросила она.

— Боюсь. — Он отложил сеть, посмотрел на неё. — Боюсь, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Боюсь, что всё разрушится.

— Я тоже боюсь. Но... я хочу попробовать.

Он кивнул.

— И я хочу.

Ночь пришла тихо. Лиза дождалась, пока он закончит дела, пока снимет сапоги, пока подойдёт к своей постели, и только тогда она встала, подошла к нему.

— Я буду ждать тебя там. — Она указала на его кровать.

— Отныне спим вместе. Ты ж не против?

Он понял. Кивнул.

— Дай мне пять минут.

Она ушла, легла, натянула одеяло до самого подбородка. Сердце билось часто, но теперь не от страха, а, скорее, от

предвкушения.

Он вошёл, погасил лампу, оставив лишь тусклый свет луны. Разделся неспешно, будто давая ей время привыкнуть, а себе дать время собраться с мыслями. Потом лёг рядом.

— Можно? — прошептал он, протянув руку.

— Пожалуйста, — ответила она.

Его пальцы коснулись её плеча, скользнули по руке, по талии. Он боялся быть грубым, боялся сделать больно, боялся, что она передумает. А ещё не мог справиться с мыслями о том, что она видит в нём старика, посмевшего трогать эту нежную девичью кожу.

— Люби меня, — попросила она. — Просто люби.

И он перестал сдерживаться.

Он целовал её губы, шею, груди, осторожно, будто она была сделана из тонкого стекла. Она отвечала, но губы подставляла не сразу будто что-то удерживало её. Это слегка смущало его.

«Почему она не целует меня в ответ? Почему отворачивается?»

Но он не спрашивал. Просто продолжал любить её как умел: касаясь руками, целуя губами, телом. Она лежала перед ним в миссионерской позе, смотрела в глаза, улыбалась. Он чувствовал, как она откликается на его движения, как её дыхание становится чаще.

— Ты прекрасна, — прошептал он.

Она не ответила, а только прижала его ближе.

Когда всё закончилось, он тяжело дышал, лёжа рядом. Она чувствовала его тепло, его запах, его сердце, стучащее в унисон с её собственным.

— Тебе было хорошо? — спросил он.

— Да. Но... — она запнулась. — Я не успела.

Он понял.

— Прости.

— Не извиняйся. — Она повернулась к нему. — Просто...
помоги мне.

Он улыбнулся.

— Конечно.

И сделал то, что умел. А умел он нежно, внимательно, следя за каждым её вздохом, за каждым движением.

Когда она наконец расслабилась, он поцеловал её в висок.

— Теперь всё?

— Теперь — всё. — Она прижалась к нему. — Спасибо.

Они лежали молча, слушая, как за окном шумит ветер, как трещат дрова в печи, как бьются их сердца.

— Что дальше? — спросила она.

— Дальше? — Он задумался. — Дальше будем жить. Вместе.

— Вместе, — повторила она. — Как муж и жена. Мне это нравится.

Он обнял её крепче.

— Мне тоже.

Глава 11. Звук мотора

Глава 11. Звук мотора

Утро выдалось ясным, с лёгкой прохладой, которая ещё держалась в тени деревьев. Воздух был напоён свежестью. После ночного дождя листва блестела, а трава под ногами мягко пружинила, оставляя на сапогах капли росы.

Андрей собирался на озеро. Достал удочки, проверил крючки, сложил в холщовую сумку соль, хлеб и флягу с водой. Он уже завязывал шнурки на сапогах, когда в дверях появилась Лиза.

— Можно я с тобой? — спросила она, чуть смущаясь, переступая с ноги на ногу. — Я никогда не рыбачила. Мне... хочется попробовать. И просто побыть с тобой.

Андрей замер, посмотрел на неё. В её глазах светилось что-то новое, но не просто любопытство, а желание быть рядом, делить с ним обычные, простые моменты. Он почувствовал, как внутри что-то теплеет, но тут же одёрнул себя: «Не поддавайся. Не забывай, где мы».

— Конечно, — кивнул он. — Только оденься потеплее. Утром у воды прохладно. И возьми плащ на случай, если снова пойдёт дождь.

— Хорошо, — она улыбнулась и убежала в свою комнату. Дорога к озеру заняла около часа. Они шли по тропе, которую Андрей проложил за эти недели: через лес, мимо ста-

рого валуна, затем вниз по склону, где уже слышался плеск воды. Лиза болтала без умолку о том, как пахнет хвоя после дождя, как красиво играют солнечные блики на листьях, как ей нравится эта тишина, в которой всё равно слышно жизнь.

— А знаешь, — говорила она, шагая рядом, — иногда я думаю: а вдруг всё это не конец? Вдруг это просто... пауза? И однажды мир снова станет прежним?

Андрей молчал, глядя вперёд. Он знал: ответить на этот вопрос нельзя. Можно только жить день за днём, шаг за шагом.

— Может, и станет, — сказал он наконец. — Но мы не можем ждать с моря погоду. Мы должны строить то, что есть сейчас.

— Да, понятно, — она кивнула, но в голосе прозвучала нотка грусти. — Только иногда так хочется услышать чей-то голос. Не твой, прости, а просто чей-то ещё. Чтобы знать, что мы не одни.

Он остановился, повернулся к ней.

— Мы не одни. Мы вдвоём. Это уже много.

Она посмотрела на него, улыбнулась, но улыбка вышла невесёлой.

— Я знаю. Но всё равно...

Он не стал спорить. Просто пошёл дальше.

На берегу он показал ей, как насаживать червя, как закидывать удочку, как следить за поплавком. Она смеялась, когда первый червяк выскользнул из пальцев, пыталась пой-

мать его снова, а он терпеливо ждал, наблюдая за её сосредоточенным лицом.

— Вот! — воскликнула она, когда поплавок наконец дрогнул. — Он клюёт!

Она потянула удочку, но слишком резко, из-за чего рыба сорвалась.

— Ничего, — сказал он, подходя ближе. — Попробуй ещё. Рыба не обидится.

— А ты уверен, что она не обиделась? — она подняла брови, изображая серьёзность, но глаза смеялись.

— Абсолютно. Рыбы не держат зла.

Она кивнула, сосредоточилась. На этот раз всё получилось, и серебристое тело карася блеснуло на солнце, когда она вытащила его на берег.

— У меня получилось! — она подняла рыбу, сияя. — Смотри!

— Молодец, — он улыбнулся. — Теперь давай второго.

К полудню у них было пять карасей, и этого было вполне достаточно для ужина. Они сидели на траве, ели лепёшку с солью, пили воду из фляги. Лиза рассказывала, как в детстве ездила с родителями на пикник, а он слушал, вспоминая своих.

— Папа всегда говорил: «Рыбалка — это не про рыбу. Это про тишину». Я тогда не понимала. А теперь... теперь понимаю.

Андрей слушал, и ему вдруг стало тепло от её голоса, от

её воспоминаний, которые она делила с ним. Он подумал: «Как давно я не слышал такого живого разговора. Как давно не чувствовал, что меня слушают».

— А у тебя были такие моменты? — спросила она. — Когда кто-то учил тебя чему-то простому, но важному?

Он задумался.

— Был. Дед. Он учил меня разводить огонь без спичек. Говорил: «Если умеешь зажигать пламя, значит, умеешь жить».

— Красиво, — она улыбнулась. — Ты часто о нём вспоминаешь?

— Часто. Особенно когда делаю что-то, чему он меня научил.

Они замолчали, глядя на воду. Озеро было спокойным, лишь изредка рябь пробегала по поверхности, будто кто-то невидимый касался её пальцами.

Когда они уже собирались домой, Лиза вдруг замерла.

— Слышишь? — прошептала она.

Он тоже услышал. Это был далёкий, но отчётливый звук мотора. Где-то в глубине леса, за холмами, ехала машина.

Они переглянулись. Лиза шагнула вперёд, но его рука крепко схватила её за плечо.

— Стой! Не надо, — тихо сказал он.

— Но это же люди! — она повернулась к нему, глаза горели. — Мы так давно никого не видели! Может, они знают, что происходит. Может, они помогут нам.

— Помогут? — он покачал головой. — Или принесут то, от чего мы прячемся?

— Ты думаешь, они... заразные?

— Я думаю, что осторожность нам точно не помешает. — Он сжал её плечо. — Мы выжили, потому что не искали встреч. Потому что не доверяли первому встречному.

— Но ведь люди... они же не все плохие!

— Нет. Конечно не все. Но мы не знаем, кто эти. Мы не знаем их истории. Мы не знаем, что они пережили и что теперь несут в себе.

Она хотела возразить, но замолчала. В её взгляде читалась острая тоска, почти физическая.

— Я понимаю твой страх, — сказала она тихо. — Но я не могу жить в постоянном ожидании опасности. Я хочу верить, что где-то есть кто-то, кто тоже ищет тепла. Кто тоже устал быть один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.